



ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

Ревность

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ю НЕСБЁ

В МИРЕ ПРОДАНО 50 000 000 КНИГ Ю НЕСБЁ



Звезды мирового детектива

Ю Несбё

«Ревность» и другие истории

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

«Ревность» и другие истории / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20148-4

Несбё, норвежский писатель и ведущий представитель северного нуара, не перестает удивлять. Ломая стереотипы, пренебрегая правилами жанра, он показывает человека так откровенно, как если бы мы сами смотрели в зеркало, боясь себе признаться: это я. «В моей голове нет и не будет никакой цензуры», – утверждает Несбё. Он никогда не раскрывает своих замыслов заранее, и до недавнего времени было известно лишь то, что писатель работает над двумя сборниками короткой прозы. В первый из них вошли семь криминальных историй, объединенных темой ревности: чувства древнего, сильного, болезненного, неподвластного воле, изменяющего человеческую природу. Двое знакомятся в самолете. Она рассказывает, что хотела умереть из-за измены мужа и подписала договор с компанией, инсценирующей самоубийства. Если бы женщина знала, кто сидит в соседнем кресле... На греческом острове пропал турист, и для расследования приглашен детектив, обладающий уникальной способностью распознавать ревность при допросе... Подозрение падает на брата пропавшего человека, и этот мотив Каина и Авеля перекликается с сюжетом последнего романа Несбё «Королевство». Ревность прикрывается жаждой справедливости, сводит с ума, отравляет жизнь и меняет ее к лучшему лишь в том случае, когда соперника удастся в прямом и переносном смысле убрать. Среди героев Несбё есть и циники, и простаки, но они всегда поступают непредсказуемо – даже для самих себя, потому что перед зеленоглазым чудовищем человеческая логика бессильна. Впервые на русском!

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-20148-4

© Несбё Ю., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Лондон	7
Ревность	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ю Несбё

«Ревность» и другие истории

Jo Nesbø

SJALUSIMANNEN OG ANDRE FORTELLINGER

Copyright © Jo Nesbø 2021

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© Д. А. Гоголева, А. В. Наумова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Лондон

Летать я не боюсь. Для среднестатистического пассажира шанс погибнуть в авиакатастрофе, летя обычным рейсом, составляет один к одиннадцати миллионам. Иными словами, вероятность умереть в самолете от инфаркта – в восемь раз выше.

Я подождал, пока лайнер наберет высоту и выровняется, наклонился к соседнему креслу у окна и, пытаясь успокоить, тихо сообщил эти сведения всхлипывающей, вздрагивающей женщине.

– Но, разумеется, когда тебе страшно, статистика мало что значит, – добавил я. – Говорю, потому что знаю, каково тебе.

До этого момента ты пристально смотрела в окно, а теперь обернулась и перевела взгляд на меня, как будто только что заметила, что на соседнем кресле кто-то сидит. Преимущество бизнес-класса: благодаря тому что между сиденьями есть лишние десять сантиметров, чуть сосредоточившись, можно вообразить, будто ты один. И по общему согласию всех пассажиров бизнес-класса никто эту иллюзию не разрушает, не произнося ничего, кроме кратких любезностей и самых необходимых фраз («Ничего, если я опущу штормку?»). А так как для ног места больше, можно, никак не взаимодействуя, пройти мимо соседа в туалет, достать вещи с багажной полки и так далее; как правило, можно полностью друг друга игнорировать, даже если путешествие длится полдня.

Твое выражение лица я определил как легкое недоумение по поводу того, что я нарушил правило бизнес-класса номер один. Что-то в твоём непринужденно-элегантном костюме – я бы не сказал, что цвета брюк и свитера сочетались, но, полагаю, все зависит от надевшего их человека, – сообщило мне, что экономклассом ты летала давно. Если вообще летала. И тем не менее ты плакала – так разве не ты нарушила установленную границу? С другой стороны, плакала ты, отвернувшись от меня, и ясно давала понять, что не хочешь ничем делиться с другими пассажирами.

Что ж, если бы я воздержался от утешения, это уже была бы чуть ли не черствость – я мог лишь надеяться, что ты мою дилемму поймешь.

Лицо у тебя бледное и заплаканное – и все-таки удивительно красивое, как у эльфа. Или, возможно, красивой ты стала потому, что побледнела и плакала? Всегда питал слабость к хрупкости и незащитности. Я протянул тебе салфетку, которую стюардесса положила до взлета под наши стаканы с водой.

– Спасибо, – сказала ты, выдавив улыбку, взяла салфетку и промокнула под глазом растекшийся макияж. – Но это вряд ли.

Ты снова отвернулась к окну, прислонилась к стеклу, как будто прячась, и тело вновь затряслось от рыданий. Что – вряд ли? Вряд ли знаю, каково тебе? Я в любом случае свое дело сделал и теперь, естественно, оставлю тебя в покое. Я бы посмотрел полфильма, а потом попытался поспать, хоть и мог рассчитывать максимум на час сна. Мне редко удается заснуть в самолете – причем не важно, сколько длится полет, – и особенно когда я знаю, что поспать надо. Я пробуду в Лондоне всего шесть часов, потом полечу обратно в Нью-Йорк.

Табло «Пристегните ремни» погасло, и подошедшая стюардесса налила воды в пустые стаканы, стоявшие между нами на широком, массивном подлокотнике. Перед взлетом капитан сообщил, что сегодня ночью перелет из Нью-Йорка в Лондон займет пять часов десять минут. Рядом с нами кто-то уже опустил спинку и укрылся одеялом, а кто-то уткнулся в экран и ждал, когда принесут еду. Стюардесса еще до взлета разносила меню, но и я, и моя соседка отказались. К моей радости, я нашел себе фильм в категории «классика» – «Незнакомцы в поезде» – и уже надевал наушники, когда услышал твой голос.

– Это все муж.

Я повернулся к тебе, держа наушники в руках.

Вокруг глаз у тебя размазалась тушь, напоминая театральный грим.

– Он мне с моей лучшей подругой изменяет.

Не знаю, расслышала ли ты слова о том, что странно все еще называть этого человека лучшей подругой, но у меня, скажем так, и в мыслях не было тебя поправлять.

– Извини, – сказал я, – не хотел вмешиваться...

– Не извиняйся – хорошо, когда людям не все равно. Таких очень мало. Мы же до смерти боимся любых огорчений и тоски.

– Тут ты права, – согласился я, не зная, убирать наушники или нет.

– Думаю, они прямо сейчас трахаются, – всхлипнула ты. – Роберт всегда секса хочет. И Мелисса тоже. В эту самую минуту они на моих шелковых простынях...

Мой мозг автоматически нарисовал картинку: супружеская пара, обоим за тридцать, он зарабатывает, и зарабатывает много, а ты выбираешь постельное белье. Наш мозг – специалист по стереотипам. И иногда он ошибается. А иногда оказывается прав.

– Наверно, ужасное чувство, – сказал я без излишне драматических интонаций в голосе.

– Я умереть хочу, – призналась ты. – Так что насчет самолета ты ошибся. Надеюсь, он рухнет.

– Но ведь впереди еще куча дел ждет, – возразил я, нацепив обеспокоенное выражение лица.

Какое-то мгновение ты просто на меня смотрела. Видимо, дурацкая вышла шутка: время для нее уж точно выбрано неудачно, да и, учитывая ситуацию, нагловатое получилось. Ты ведь сказала, что умереть хочешь, а кроме того, назвала подходящий мотив. Шутка могла показаться неподобающей и грубоватой – или спасительной возможностью отвлечься от не подлежащей обсуждению тоски. Comic relief¹ – вот как это называется; во всяком случае, когда прием срабатывает. И все же я пожалел о своих словах – да, даже дышать перестал. Потом ты улыбнулась. Улыбка в ту же секунду исчезла, как рябь с лужи, но я снова задышал.

– Не переживай, – тихо сказала ты. – Умру только я.

Я непонимающе на тебя смотрел, но ты избегала моего взгляда и косилась в сторону, на салон.

– Там во втором ряду младенец, – заметила ты. – Младенец в бизнес-классе, и он, возможно, всю ночь проплачет – что ты на это скажешь?

– А что тут говорить?

– Что родителям стоило бы понять: люди заплатили больше за то, чтобы здесь сидеть, потому что им надо поспать, а может быть, завтра утром им ехать на встречу или на работу.

– М-да. Пока авиакомпании пускают младенцев в бизнес-класс, остальное на совести родителей.

– Тогда надо авиакомпании штрафовать за то, что нас обманывают.

Ты осторожно вытерла под вторым глазом, взяв вместо салфетки, что я тебе дал, свой бумажный платок.

– В рекламе бизнес-класса пассажиры сладко спят.

– В перспективе авиаккомпанию ждет наказание: мы будем не готовы платить за то, что не получим.

– Но зачем они так делают? – спросил я.

– Родители или авиаккомпания?

– Понимаю: родители поступают так потому, что денег у них больше, чем совести. Но ведь авиаккомпания должна терять деньги, потому что предоставляемые в бизнес-классе услуги теряют в качестве?

¹ Разрядка смехом (англ.).

- Они также потеряют репутацию, если будут говорить, что не очень рады детям.
- Ребенку плевать, где плакать – в бизнесе или в экономе.
- Ты прав, я имела в виду – не очень рады родителям с маленькими детьми.

Я улыбнулся:

– Авиакомпании боятся, что со стороны все это будет напоминать апартеид. Естественно, проблему можно решить: те, кто плачет в бизнес-классе, отправляются в эконом и уступают место довольному, не верящему в происходящее человеку, купившему дешевый билет.

Смех у тебя был мягкий и приятный – на этот раз он добрался до глаз. Легко подумать – и я подумал: непонятно, зачем изменять такой красивой женщине, но тут уж как есть. Дело не во внешней красоте. Да и не во внутренней тоже.

- Чем занимаешься? – спросила ты.
- Я психолог, провожу исследования.
- Что исследуешь?
- Людей.
- Ну естественно. Что ты узнал?
- Что Фрейд был прав.
- По поводу чего?
- Что люди, за редким исключением, ничтожества.

Ты засмеялась.

– Да уж, мистер...

– Зови меня Шон.

– А я Мария. Шон, но ты ведь так не считаешь, разве нет?

– Что люди ничтожества, за редким исключением? С чего бы мне так не считать?

– Ты проявил заботу, а забота бессмысленна, если ты самый обыкновенный мизантроп.

– Ну да. Зачем же мне было врать?

– По той же самой причине – ты проявляешь заботу. Ты мне поддакиваешь, утешаешь меня – говоришь, что тоже боишься летать. А когда я рассказала, что меня предали, утешаешь и говоришь, что в мире полно плохих людей.

– Ой! Вообще-то, я здесь психолог.

– Вот видишь, тебя даже профессия выдает. Осталось признать, что ты опровергаешь собственное утверждение. Как человек ты чего-то стоишь.

– Хотелось бы, чтобы это было так, Мария, но, боюсь, моя деланая забота – это лишь результат светского английского воспитания, и я не представляю никакой ценности ни для кого, кроме себя самого.

Почти незаметно ты повернулась ко мне на пару градусов.

– Тогда, Шон, ценность у тебя есть благодаря воспитанию. Ну и что? Ценность придают поступки, а не то, что ты думаешь и чувствуешь.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Просто благодаря воспитанию мне не нравится нарушать правила адекватного поведения, на самом деле ни на какие жертвы я не иду. Я приспособливаюсь и избегаю неприятных ситуаций.

– По крайней мере, ты ценен как психолог.

– Боюсь, тут я тоже тебя разочарую. Я не настолько умный и трудолюбивый, чтобы найти лекарство от шизофрении. И если самолет рухнет, мир лишится лишь довольно скучной статьи о confirmation bias² в научном журнале, который читает лишь горстка психологов, – вот и все.

– Кокетничаешь?

– Да, а еще я кокетничаю. Можно добавить к списку моих пороков.

Теперь ты искренне рассмеялась.

² Необъективность восприятия (англ.).

- И нет даже жены и детей, которые будут по тебе скучать, если тебя не станет?
- Нет, – коротко ответил я.

Так как сидел я у прохода, то не мог окончить разговор, просто-напросто отвернувшись к окну и притворившись, что ночью в темноте разглядел в Атлантическом океане что-то интересное. А взять журнал из кармашка в спинке переднего сиденья – это уже чересчур демонстративный поступок.

- Извини, – тихо произнесла ты.
- Все нормально, – ответил я. – Что ты имела в виду, когда сказала, что умрешь?

Наши взгляды встретились, и мы впервые друг друга увидели. И хотя, наверное, это попытка все объяснить задним числом, думаю, мы оба заметили то, благодаря чему уже тогда стали подозревать: эта встреча способна изменить все – да она уже все изменила. Может быть, ты как раз об этом думала, но отвлеклась – наклонилась ко мне, опираясь на подлокотник; ощутив запах твоих духов, я подумал о ней: это ее запах, она вернулась.

– Я покончу жизнь самоубийством, – прошептала ты и, откинувшись на сиденье, стала меня рассматривать. Не знаю, что было написано у меня на лице, но я видел: ты не врешь.

- И как ты собираешься это сделать? – вот и все, что я смог спросить.
- Рассказать?

Вопрос ты задала с загадочной, почти веселой улыбкой. Я задумался. Хочу ли я это услышать?

– Кстати, это неправда, – сказала ты. – Потому что, во-первых, я не буду лишать себя жизни – это уже случилось. Во-вторых, не я лишу себя жизни, а они.

- Они?
- Да. Я подписала договор...

Ты посмотрела на часы «Картье» – готов поспорить, подарок того самого Роберта. Он их подарил до того, как изменил, или после? После. Мелисса была не первой, он все время изменял.

- ...четыре часа назад.
- Они? – повторил я.
- Фирма, занимающаяся самоубийствами.
- Ты про... это как в Швейцарии? То есть активная эвтаназия?
- Да, но только более активная. И с той разницей, что тебя лишают жизни так, что это не выглядит как самоубийство.

- Да?
- Ты как будто мне не веришь.
- Я... да я просто удивился.
- Понимаю. Это должно остаться между нами, в договоре есть пункт о конфиденциальности, и, вообще-то, мне нельзя ни с кем об этом говорить. Просто мне...

Ты улыбнулась, и твои глаза тут же снова наполнились слезами.

– ...невыносимо одиноко. А ты незнакомец. И психолог. Вы же обязаны хранить врачебную тайну?

Я прокашлялся.

- Да, если речь о пациентах.
- Ну так я твой пациент. Вижу, сейчас у тебя есть время на консультацию. Доктор, сколько вы возьмете?

- Боюсь, Мария, так нельзя.
- Разумеется, нет, это же нарушает принятые в твоей профессии правила игры. Но как частное лицо ты ведь послушать можешь?

– Пойми: у меня возникнет этическая проблема, если человек собирается совершить самоубийство и доверится мне, а я даже не пытаюсь вмешаться.

– Ты не понимаешь: вмешиваться поздно, я уже умерла.

– Умерла?

– Договор не отменить, меня убьют в течение трех недель. Они заранее объясняют, что, когда тыставишь на бумаге подпись, никакую тревожную кнопку уже не нажмешь. Существой у них такая кнопка – и потом мороки с юристами не оберешься. Так что, Шон, ты сидишь рядом с трупом.

Ты засмеялась – на этот раз сухо и горько.

– Выпьешь со мной или будешь просто слушать?

Ты протянула длинную худую руку к кнопке вызова персонала – в темном салоне как будто пискнул гидролокатор.

– Ладно, – согласился я. – Но советов я давать не буду.

– Хорошо. А ты обещаешь никому ничего не говорить даже после моей смерти?

– Обещаю, – сказал я. – Хотя не думаю, что тебе это будет важно.

– Вообще-то, важно. Если я нарушу пункт о конфиденциальности, они смогут через суд взыскать с меня кучу денег, и тогда организациям, которым я завещала, останутся одни крохи.

– Чем могу помочь? – спросила беззвучно материализовавшаяся возле нас стюардесса.

Наклонившись, ты заказала нам джин-тоник. Горловина свитера чуть приспустилась, я увидел бледную кожу и почувствовал, что у тебя не ее запах. У тебя запах чуть сладковатый, пикантный, как бензин. Да, бензин. И дерево – только я названия не помню. Запах почти мужской. Когда стюардесса погасила лампочку и ушла, ты сбросила ботинки, повернулась на бок, по-кошачьи поджала под себя ноги – из-за пары торчащих, покрытых нейлоном узких ступней мне на ум, естественно, пришла мысль о балете.

– Фирма, которая занимается самоубийствами, находится в Манхэттене, в красивом офисе, – сказала ты. – Там адвокатская контора; по их словам, у них все прописано на сухом юридическом языке, и я в этом не сомневаюсь. Например, они не убивают людей с психическими заболеваниями, а до подписания договора нужно пройти психиатрическую экспертизу. Еще нужно отменить страхование жизни – при наличии такового, – чтобы на них потом не подали в суд страховые компании. Есть много других оговорок, но самое важное – пункт о конфиденциальности. Добровольно заключенный договор между совершеннолетними сторонами в США имеет более широкие рамки, чем в большинстве других стран. Но вдруг об их деятельности станет известно и она получит огласку – естественно, они боятся, что из-за реакции общественности политики их прикроют. Они себя не рекламируют, их клиенты – исключительно состоятельные люди, которые узнали о них word of mouth³.

– Понятно, почему они не высываются.

– Разумеется, их клиенты тоже хотят сохранить тайну, ведь самоубийства считаются стыдным поступком. Как аборт. Клиники, которые делают аборты, ничего противозаконного не совершают, но на вывеске у них это не написано.

– И правда.

– И естественно, в основе бизнеса – секретность и стыд. Клиенты готовы выложить крупные суммы за то, чтобы умереть без физических и психических страданий и неожиданно, насколько это вообще возможно. Но главное, все произойдет так, чтобы ни семья, ни друзья, ни окружающие даже не заподозрили самоубийство.

– И как это происходит?

– Тебе этого, разумеется, не скажут – только то, что существует бесчисленное количество способов и что это случится в течение трех недель с момента подписания контракта. Примеров тоже не приводят, иначе мы – осознанно или нет – станем избегать определенных ситуаций,

³ С чужих слов (англ.).

что вызовет совершенно ненужный и сильный страх. Единственное, о чем нам сообщают: это будет абсолютно безболезненно, и мы даже не поймем, что это вот-вот случится.

– Понимаю, кому-то, наверное, важно скрыть факт самоубийства, но тебе-то это зачем? Разве это, напротив, не способ отомстить?

– То есть Роберту и Мелиссе?

– Если ты умрешь и будет абсолютно ясно, что это самоубийство, придет не только стыд, но и чувство вины. Роберт и Мелисса начнут обвинять не только себя, но и друг друга – в той или иной степени сознательно. Это же сплошь и рядом. Ты видела, например, статистику разводов пар, у которых ребенок покончил с собой? А процент самоубийств родителей?

Ты всего лишь на меня посмотрела.

– Извини, – сказал я, почувствовав, что слегка покраснел. – Я приписываю тебе жажду мести лишь потому, что уверен: сам я на твоём месте чувствовал бы себя именно так.

– Думаешь, Шон, ты себя в дурном свете выставляешь?

– Да.

Ты сухо и горько рассмеялась.

– Все нормально – естественно, я хочу отомстить. Но ты Роберта с Мелиссой не знаешь. Если бы я совершила суицид и оставила родным письмо, в котором обвинила бы Роберта в неверности, он, естественно, стал бы все отрицать. Мол, я от депрессии лечилась, ну или что-нибудь в таком духе, а в последние дни у меня еще и паранойя развилась. Они с Мелиссой были очень осмотрительны, – наверное, про них никто и не знает. Готова поспорить, что полгода после моих похорон она бы для виду повстречалась с каким-нибудь финансистом из окружения Роберта. Они все на нее слюни пускают, но она всегда умудряется оставить их с носом – она же динамщица. А потом они с Робертом наконец объявят, что они пара, и объяснят, что свело их общее горе.

– Так, похоже, ты еще больший мизантроп, чем я.

– Это точно. А вот от чего меня и правда воротит, так это оттого, что в глубине души Роберт почувствует и некую гордость.

– Гордость?

– Из-за того, что женщина не смогла жить по причине, что он достался не ей одной. В таком свете он это увидит. И Мелисса тоже. Благодаря моему самоубийству он сам еще больше поднимется в цене, а они в итоге станут счастливее.

– Ты так считаешь?

– Да. Слышал про теорию Рене Жирара о миметическом желании?

– Нет.

– По теории Жирара, если не брать в расчет удовлетворение базовых потребностей, мы не знаем, чего хотим. И мы подражаем окружающим – ценим то, что ценят другие. Если в твоём окружении принято считать Мика Джаггера сексуальным, то в итоге и ты на него западешь, хоть изначально тебе он казался мерзким. Если я своим самоубийством подниму Роберту цену, Мелиссе он станет еще нужнее – и вместе они будут еще счастливее.

– Ясно. А если покажется, что ты умерла в результате несчастного случая, ну, или по естественным причинам?

– Тогда эффект окажется противоположным. Я стану жертвой случайного стечения обстоятельств или судьбы. И Роберт будет по-другому думать о моей смерти и обо мне самой как о человеке. Медленно, но верно я приобрету статус святой. В тот день, когда Мелисса начнет бесить Роберта – а она начнет, – он будет вспоминать обо мне только хорошее и скучать по тому, что было. Два дня назад я отправила ему письмо – написала, что ухожу от него, потому что мне нужна свобода.

– Получается, он не знает, что ты в курсе про измену с Мелиссой?

– Я прочитала у него в телефоне всю их переписку, но никому ни слова не сказала – до этого момента.

– А какой смысл писать письмо?

– Поначалу он испытает облегчение – ему же уходить не придется. Сэкономит на бракоразводном процессе, а заодно со стороны будет казаться хорошим парнем, хоть вскоре и сойдется с Мелиссой. Но письмо посеет в нем мысль – и со временем семена прорастут. Да, я от него ушла ради свободы. А еще потому, что наверняка знала: возможно, я встречу кого-то получше, чем он. Да, а может быть, кто-то появился еще до моего ухода. И как только Роберт начнет так думать...

– ...теория миметического желания окажется на твоей стороне. Поэтому ты обратилась в фирму, которая организывает самоубийства.

Ты пожала плечами.

– Так каков же процент разводов среди пар, чьи дети покончили с собой?

– Что?

– И кто из родителей сам сводит счеты с жизнью? Матери, да?

– Ну, так, – ответил я и воззрился на спинку переднего кресла.

Но я знал, что ты не сводишь с меня взгляда, ожидая более развернутого ответа. Спасли меня два низких широких стакана, как по волшебству появившиеся из темноты и опустившиеся между нами на подлокотник.

Я покашлял.

– Разве это не невыносимо – так долго ждать? Просыпаться каждое утро с мыслью о том, что, может быть, сегодня тебя убьют.

Ты помедлила – не хотела так просто меня отпустить. Но в итоге ответила:

– Нет – если мысль о том, что сегодня меня, может быть, не убьют, кажется намного хуже. Хоть нас, естественно, время от времени накрывает страх смерти и непрошенный инстинкт самосохранения, бояться умереть не хуже, чем бояться жить. Ты, как психолог, естественно, об этом знаешь.

Ты даже чересчур сильно подчеркнула слово «психолог».

– Отчасти, – ответил я. – В Парагвае проводились исследования на кочевых племенах, у которых совет племени выносит решение: когда кто-то уже слишком стар и слаб и превращается в чересчур тяжелую обузу, – его надо убить. Тот, кому предстоит экзекуция, не знает, когда и как это произойдет, но принимает все как есть. Все-таки племя выжило в обстоятельствах, когда еды мало и необходимо совершать длительные, изматывающие переходы, потому что жертвовало слабыми. Так появлялась возможность позаботиться о тех, кто имеет право на жизнь и способен вести их дальше. Может быть, во дни молодости ныне приговоренные к смерти как-то темным вечером кокнули возле хижины собственную немощную двоюродную бабушку. В то же время исследование показало, что для членов племени неизвестность влечет за собой дополнительный стресс, а он сам по себе является вероятной причиной невысокой продолжительности жизни в этих племенах.

– Разумеется, это стресс, – согласилась ты, зевнула и потянула ступню в чулке, задев мое колено. – Мне хотелось бы, чтобы это заняло меньше трех недель, но, полагаю, на поиск наилучшего и наиболее надежного способа нужно время. Например, все должно выглядеть как несчастный случай, но в то же время надо, чтобы произошло это аккуратно, требуется тщательно все продумать.

– А если самолет рухнет, тебе деньги вернут? – спросил я, глотнув джина с тоником.

– Нет. Они сказали, что тратят значительные средства на каждого клиента – а все они с суицидальными наклонностями, – и поэтому им надо обезопасить себя от того, что клиент их опередит – добровольно или нет.

– Хм. Значит, жить тебе осталось двадцать один день.

– Скорее, двадцать с половиной.

– Точно. И как ты планируешь их провести?

– Буду делать то, чего не делала раньше. Болтать и пить с незнакомцами.

Сделав долгий глоток, ты осушила стакан. А мое сердце заколотилось так, будто знало, что произойдет. Отставив стакан, ты положила руку мне на плечо.

– А еще я хочу заняться с тобой любовью.

Я не знал, что ответить.

– Сейчас я пойду в туалет, – сказала ты. – Подходи через две минуты, пока я еще буду там.

По телу у меня разлилось какое-то удивительное чувство – внутреннее ликование, но не просто возбуждение, а своего рода возрождение. Я давно ничего подобного не испытывал – так давно, что и не думал, что когда-нибудь испытаю вновь.

– Кстати, – заговорила ты, – я не такая уж смелая, мне надо знать, придешь ты или нет.

Сделав глоток, я потянул время. Ожидая, ты смотрела на мой стакан.

– А если у меня есть девушка?... – услышал я свой хриплый голос.

– У тебя нет девушки.

– А если я не считаю тебя привлекательной или я гей?

– Боишься?

– Да. Меня пугают женщины, которые в сексе берут на себя инициативу.

Словно что-то выискивая, ты взглянулась мне в лицо.

– Ладно, – сказала ты. – Верю. Извини, это не совсем по мне, но у меня нет времени ходить вокруг да около. И как мы поступим?

Мне стало спокойнее. По-прежнему быстро колотилось сердце, но пропали паника и желание сбежать. Я повертел в руке стакан.

– Ты из Лондона сразу улетаешь?

– В Рейкьявик, – кивнула ты. – Через час после посадки. А о чем ты думаешь?

– Об отеле в Лондоне.

– О каком?

– «Лангдон».

– Хороший отель. Если остановиться там больше чем на сутки, сотрудники запоминают твое имя. Но если заподозрят внебрачную связь, мозги у них деревенеют. Впрочем, мы там все равно больше суток не пробудем.

– То есть ты...

– Могу Рейкьявик на завтра перенести.

– Уверена?

– Да. Ты рад?

Я задумался. Я не рад.

– А что, если... – начал было я, но замолчал.

– Боишься, меня прихлопнут, пока мы вместе? – спросила ты, весело звякнув своим стаканом об мой. – А тебе придется иметь дело с трупом?

– Нет, – с улыбкой ответил я. – Я про то, что а вдруг мы влюбимся? А ты подписалась под тем, что хочешь умереть. И договор не расторгнуть.

– Слишком поздно, – сказала ты, кладя руку на подлокотник поверх моей.

– Да, я об этом и говорю.

– Нет, я про другое. Мы уже влюбились.

– Правда?

– Чуть-чуть. В самый раз.

Сжав мою руку, ты встала и сказала, что скоро вернешься.

– В самый раз для того, чтобы я радовалась: возможно, у меня есть три недели.

Пока ты была в туалете, подошла стюардесса и унесла стаканы, а я попросил у нее еще две подушки. Вернулась ты со свежим макияжем.

– Это не ради тебя, – сказала ты, прочитав мой взгляд. – Тебе нравилось, когда все размазалось, да?

– Мне и так и так нравится, – ответил я. – Ну и ради кого ты накружилась?

– А ты как думаешь?

– Ради кого? – спросил я, кивая в сторону салона.

Ты замотала головой.

– Я недавно заказывала опрос – большинство женщин ответили, что красятся ради хорошего самочувствия. Но что они под этим словом подразумевают? Всего лишь отсутствие неприятных ощущений? Неприятных ощущений оттого, что их увидят такими, какие они есть? Разве макияж на самом деле не собственноручно надетая паранджа?

– А разве макияж не используют в равной степени для того, чтобы и что-то подчеркнуть, и что-то скрыть?

– Подчеркнуть одно – значит скрыть что-то другое. Любые правки, в том числе проясняющие, – это операция по прикрытию. Тот, кто красится, хочет, чтобы макияж привлек внимание к красивым глазам – так, чтобы никто и не заметил чересчур крупного носа.

– Но разве это паранджа? Разве мы все не хотим, чтобы нас заметили?

– Не все. И никто не хочет, чтобы его видели таким, какой он есть. Кстати, ты знал, что за жизнь женщина тратит на макияж столько же времени, сколько мужчины из таких стран, как Израиль и Южная Корея, – на службу в армии?

– Нет уж, сопоставление случайных фактов.

– Именно. Но не случайное сопоставление фактов.

– Да ну?

– Сопоставление – мой выбор, и оно, разумеется, само по себе является высказыванием. Фейк-ньюс – это не обязательно неверные факты; возможно, это манипулятивное редактирование. Что выбранное сопоставление говорит о моих взглядах на гендерную политику? Говорю ли я о том, что мужчинам приходится служить своей стране и рисковать жизнью, в то время как женщины предпочитают краситься? Может быть. Но достаточно лишь крошечной правки, и то же сопоставление сообщит: женщины боятся, что их увидят такими, какие они есть на самом деле, – точно так же страны боятся, что их завоюют иностранные войска.

– Ты журналистка? – спросил я.

– Я редактор журнала – он не стоит бумаги, на которой его печатают.

– Женского?

– Да, и в худшем значении этого слова. У тебя багаж есть?

Я помедлил с ответом.

– Ну в смысле, когда мы в Лондоне приземлимся, можно сразу к такси идти?

– Только ручная кладь, – сказал я. – Ты не ответила: зачем ты накружилась?

Подняв руку, ты провела указательным пальцем по моей щеке, под самым глазом, как будто я тоже плакал.

– Снова сопоставление случайных фактов, – сказала ты. – Каждый год в результате самоубийств погибает больше людей, чем в результате войн, терактов, наркотиков, убийств из ревности – да вообще всех убийств, вместе взятых. Наиболее вероятно, что твой убийца – ты сам. Поэтому я и накружилась. Я посмотрела в зеркало и не выдержала ничем не прикрытого лица своего убийцы. Не теперь, когда я влюбилась.

Мы посмотрели друг на друга. И в тот момент, когда я поднял руку, чтобы взять твою, ты взяла мою. Наши пальцы переплелись.

– Разве мы не можем ничего сделать? – прошептал я, дыхание вдруг сбилось, как будто я уже в бегах. – Нельзя откупиться от договора?

Ты склонила голову набок, словно хотела разглядеть меня под другим углом.

– Если бы это было возможно, не факт, что мы бы влюбились, – сказала ты. – Мы друг для друга недостижимы – разве это не важная составляющая привлекательности, как ты думаешь? Она тоже умерла?

– Что?

– Та, другая. Та, о ком ты не захотел рассказывать, когда я спросила про жену и детей. Утрата, из-за которой ты боишься опять влюбиться в ту, кого потеряешь. Из-за этого ты задумался, когда я спросила про багаж. Хочешь об этом поговорить?

Я посмотрел на тебя. А я хотел?

– Ты уверена, что...

– Да, я хочу послушать, – кивнула ты.

– У тебя много времени?

– Ха-ха.

Мы заказали еще выпить, и я рассказал.

Когда я договорил, за окном совсем рассвело – летели-то мы против солнца. И ты опять заплакала.

– Как грустно, – всхлипнула ты, кладя голову мне на плечо.

– Да, – согласился я.

– Тебе все еще больно?

– Не всегда. Я себе говорю, что раз она не хотела жить, значит ее вариант лучше.

– Думаешь?

– И ты ведь тоже?

– Наверное, – сказала ты. – Но я не знаю. Я, как Гамлет, сомневаюсь. А вдруг царство мертвых еще более печальная юдоль.

– Расскажи о себе.

– Что ты хочешь узнать?

– Все. Начинай, я спрошу о том, о чем захочу узнать поподробнее.

– Хорошо.

Ты рассказала. И передо мной возник образ девушки – я видел ее более отчетливо, чем ту, что прижалась ко мне, взяв меня под руку. В какой-то момент самолет затрясся, попав в зону легкой турбулентности, и казалось, будто катишься по мелким крутым волнам, а твой голос смешно завибрировал, и мы оба рассмеялись.

– Можем сбежать, – сказал я, когда ты договорила.

Ты посмотрела на меня.

– Каким образом?

– Ты снимешь одноместный номер в «Лангдоне». Вечером оставишь на ресепшене записку директору отеля – на работу он придет завтра утром. Напишешь, что собираешься утопиться в Темзе. Ты пойдешь туда вечером – в такое место, где тебя никто не заметит, – снимешь обувь и оставишь на берегу. Я арендую машину и приеду за тобой. Поедем во Францию, а из Парижа улетим в Кейптаун.

– Паспорт, – только лишь и произнесла ты.

– Я все устрою.

– Устроишь? – Ты не сводила с меня глаз. – Да что ты за психолог?

– Я не психолог.

– Не психолог?

– Нет.

– А кто же тогда?

– А как ты думаешь?

– Тот, кто меня убьет, – сказала ты.

– Да, – подтвердил я.

– Ты забронировал место рядом со мной еще до того, как я приехала в Нью-Йорк подписывать договор.

– Да.

– Но ты и правда в меня влюбился?

– Да.

– И как все должно было случиться?

– На паспортном контроле. Укол. За час действующие вещества полностью исчезнут или смешаются с кровью. Вскрытие покажет обычный инфаркт. В твоей семье инфаркт – самая распространенная причина смерти. Мы брали у тебя анализы – по их результатам ты к нему предрасположена.

Ты кивнула.

– А если мы сбежим, за тобой тоже придут?

– Да. В деле крутятся огромные деньги – их платят и тем, кто исполняет заказы. Из-за этого они требуют, чтобы мы тоже подписали договор, только без трехнедельного срока.

– Договор на самоубийство?

– Он дает им возможность убить нас когда угодно без юридических рисков. Подразумевается, как они выполняют условия договора, если мы поступим нечестно.

– А в Кейптауне нас не найдут?

– Они нас выследят – это они умеют, – а следы приведут их в Кейптаун. Но мы там надолго не останемся.

– А где мы будем?

– Можно, я тебе это расскажу чуть позже? Честное слово, место там хорошее. Солнце и дождь, не слишком холодно, не слишком жарко. И большая часть людей понимает английский.

– Зачем тебе это делать?

– По той же причине, что и тебе.

– Но ты же не собираешься совершать самоубийство, – наверное, ты на своем занятии заработал целое состояние, а теперь готов рискнуть жизнью.

Я попытался улыбнуться.

– Какой жизнью?

Оглянувшись, ты наклонилась вперед и нежно поцеловала меня в губы.

– А если тебе не понравится заниматься со мной любовью?

– Тогда я швырну тебя в Темзу, – ответил я.

Засмеявшись, ты снова меня поцеловала. Чуть дольше, чуть шире открывая губы.

– Тебе понравится, – прошептала ты мне на ухо.

– Этого-то я и боюсь, – сказал я.

Ты заснула, положив голову мне на плечо. Я опустил спинку твоего кресла и укрыл тебя одеялом. Затем опустил кресло у себя, потушил над нами свет и постарался уснуть.

* * *

Когда мы приземлились в Лондоне, я перевел спинку твоего кресла в вертикальное положение и пристегнул тебе ремень. Ты напоминала спящего ребенка за два дня до Рождества – на губах у тебя играла улыбка.

Подошла стюардесса и унесла стаканы – они же стояли между нами на подлокотнике еще до того, как мы вылетели из аэропорта Кеннеди, когда ты, плача, смотрела в окно, а мы не были знакомы.

* * *

Я ждал прохождения паспортного контроля у шестого окна, когда увидел, как сотрудники в светоотражающих куртках с красным крестом бегут к выходу, толкая каталку. Я посмотрел на часы. Порошок, который я растворил в твоём стакане воды ещё до вылета из аэропорта Кеннеди, действовал медленно, но надёжно. Ты мертва уже почти два часа, и вскрытие покажет инфаркт – и больше ничего. Мне захотелось плакать – такое со мной почти каждый раз. В то же время я был счастлив. В этой работе есть смысл. Я тебя никогда не забуду, ты была не как все.

– Пожалуйста, смотрите в камеру, – попросил меня сотрудник на паспортном контроле. Я заморгал, смахивая слезы.

– Добро пожаловать в Лондон, – услышал я.

Ревность

Я взглянул на пропеллер на крыле турбовинтового сорокаместного ATR-72. Под нами в море солнца желтел окрашенный в цвета пустыни остров. Похоже, никакой растительности, лишь желто-белый известняк. Калимнос.

Капитан сообщил, что во время посадки самолет войдет в зону турбулентности. Я прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Я с самого детства знал, что умру во время падения. Или, точнее, оттого, что упаду с неба в море и утону. Я даже помню тот день, когда ко мне пришло осознание этого.

Мой отец работал одним из управляющих в семейной фирме, где должность директора занимал его старший брат, дядя Гектор. Мы, дети, дядю Гектора обожали: он всегда приносил нам подарки и катал на своей машине, а такой кабриолет «роллс-ройс» был единственным на все Афины. Отец обычно возвращался с работы домой, когда я уже спал, но в тот вечер он пришел рано. С виду он был усталый, а после ужина закрылся в кабинете, долго разговаривал по телефону с бабушкой и, судя по голосу, сердился. Перед сном я попросил его рассказать мне сказку, папа присел ко мне на кровать и, чуть подумав, принялся рассказывать про Икара и его отца. Вообще, они жили в Афинах, но отправились на остров Крит, где отец, знаменитый и богатый ремесленник, смастерил из перьев и воска пару крыльев, на которых поднимался в небо. Людей это зрелище приводило в дикий восторг, и отец с сыном купались в лучах славы. Отдавая крылья Икару, отец наставлял сына последовать его примеру и лететь тем же путем – тогда все будет хорошо. Но Икару хотелось слетать еще куда-нибудь, подняться выше, чем отец. И когда Икар поднялся в воздух, высота и ощущение того, что все остальные люди остались далеко внизу, опьянили его, и он забыл, что там, наверху, его удерживает не сверхспособность летать, а сделанные отцом крылья. Упиваясь собственной уверенностью, он взмыл выше, чем отец, и приблизился к солнцу, а оно растопило воск, за счет которого и держались крылья. Икар упал в море и утонул.

В детстве я считал, что, пересказывая мне упрощенную версию мифа об Икаре, отец предупреждал меня, своего старшего сына: детей у дяди Гектора нет, поэтому считалось, что со временем во главе компании встану я. Лишь повзрослев, я узнал, что в те времена фирма наша едва не обанкротилась из-за того, что Гектор бездумно играл на курсе золота, а бабушка уволил его, оставив должность и кабинет лишь для видимости. На самом же деле фирмой руководил мой отец. Я так и не понял, о ком он, рассказывая эту историю, думал – обо мне или о дяде Гекторе, однако миф отпечатался у меня в памяти, и с тех пор мне нередко снился кошмар: я падаю и тоню. Впрочем, порой сон был приятным и теплым, потому что все плохое таким образом заканчивалось. Кто вообще сказал, что нельзя мечтать о смерти?

Самолет затрясся, и когда мы пару раз попали в так называемый воздушный карман, другие пассажиры заохали. На миг меня посетило ощущение невесомости, и я подумал было, что момент настал, но, разумеется, ошибся.

* * *

Мы вышли из самолета, и я увидел развевающийся греческий флаг на флагштоке, торчащем из крыши небольшого аэропорта. Проходя мимо рубки, я услышал, как один из пилотов говорит стюардессе, что аэропорт только что закрылся и в Афины они теперь едва ли вернуться.

Вместе с другими пассажирами я прошел в здание аэропорта. Перед багажной лентой стоял полицейский. Скрестив руки на груди, он наблюдал за нами. Я направился к нему, он вопросительно посмотрел на меня, и я утвердительно кивнул.

– Гиоргос Костопулос, – представился он, протянув мне большую руку, с тыльной стороны поросшую длинными черными волосами. Рукопожатие было сильным, но не чересчур, как бывает порой, когда провинциальным коллегам вздумается помериться силой со столичными гостями. – Спасибо, что вы так быстро приехали, господин Балли.

– Зовите меня Никос, – сказал я.

– Простите, что не сразу вас узнал, – просто фотографий ваших мало, и я думал, что вы... хм... старше.

Природа – вероятнее всего, с материнской стороны – наделила меня такой внешностью, которая не очень поддается возрасту. Да, кудри поседели и поредели, но в остальном все было неплохо, а вес держался на отметке семьдесят пять килограммов, пускай мышцы и занимали меньшую часть этой массы.

– По-вашему, пятьдесят девять лет – это маловато?

– Да нет, что вы.

Я догадался, что он специально говорит голосом более низким, чем обычно. Губы у него сложились в кривую улыбку, а от таких усов афинские мужчины избавились лет двадцать назад. Но глаза смотрели по-доброму. С Гиоргосом Костопулосом мы сработаемся.

– Просто я о вас слышал, еще когда в Полицейской академии учился, а это давно было. У вас еще багаж есть? Помочь вам? – Он посмотрел на сумку у меня в руках.

И тем не менее на миг мне показалось, будто он, задавая этот вопрос, имел в виду не физический багаж. Впрочем, дать ответ на этот вопрос я не мог. Возможно, вещей с собой я вожу меньше, чем другие, однако мой багаж – из тех, что приходится носить в одиночку.

– Нет, у меня только ручная кладь, – сказал я.

– У нас в участке в Потии сидит брат пропавшего, – сказал Гиоргос, пока мы шли к маленькому пыльному «фиату» с заляпанным лобовым стеклом.

Гиоргос, похоже, припарковался под пиниями, чтобы солнце не слишком нагрело салон, но взамен птицы украсили машину вязкими плюхами, которые в конце концов придется отскрести ножом. Так оно всегда и бывает. Поднимаешь щит, чтобы прикрыть лицо, – и лишаешь защиты сердце. И наоборот.

– Да, я в самолете ознакомился с отчетом, – кивнул я, положив сумку на заднее сиденье. – Он еще что-то рассказал?

– Нет, повторяет то, что уже говорил. Его брат Джулиан вышел из их комнаты в шесть утра и больше не вернулся.

– Там написано, что Джулиан пошел поплавать.

– Так Франц утверждает.

– Но вы ему не верите?

– Нет.

– На Калимнос много туристов приезжает – наверное, тут и тонут нередко?

– Это верно. И я бы поверил Францу, если бы накануне вечером они с Джулианом не подрались в присутствии свидетелей.

– Да, об этом я тоже читал.

Машина петляла по узенькой ухабистой дороге, спускаясь в долину, где росли оливковые деревья, а вдоль шоссе тянулись маленькие белые домики.

– Аэропорт закрыли, – сказал я, – похоже, из-за ветра.

– Тут это обычное дело, – ответил Гиоргос. – Вот и стройте аэропорт на самой высокой точке острова!

Я понял, о чем он: едва мы съехали к подножию гор, как я заметил, что флаги тут вяло висят на флагштоках.

– К счастью, самолет у меня сегодня вечером с Коса, – сказал я.

Перед тем как начальство одобрило мою командировку, секретарь в отделе убийств проверила маршруты. Хотя преступления с участием иностранных туристов считаются у нас делами особой важности, на командировку мне выделили всего один рабочий день. Мне многое позволено, но даже знаменитому следователю Балли не разрешается превышать бюджет. И как сказал начальник, в этом деле нет ни тела, ни публичности, ни достаточных оснований для того, чтобы считать его убийством.

В тот вечер с Калимнос рейсов не было, зато были из международного аэропорта, расположенного на острове Кос, куда с Калимнос всего сорок минут на пароме, поэтому начальник одобрительно буркнул. Он лишь напомнил, что командировочные я получу по минимальному тарифу и чтобы питался я не в раскрученных туристических ресторанах – иначе придется мне расплачиваться из собственного кармана.

– Боюсь, паромы до Коса в такую погоду не ходят, – сказал Гиоргос.

– В такую погоду? Так солнце же светит и ветра нет – ну, разве что в горах.

– С виду-то штиль, это понятно, вот только до Коса идти по открытому морю, и как раз на этом участке немало кораблекрушений было, причем вот в такую же солнечную погоду. Мы вас в отеле поселим. Возможно, до утра все уляжется.

«Возможно, до утра все уляжется» – не то же самое, что «уляжется наверняка», и я понял, что прогноз погоды не в мою пользу. И не в пользу моего начальства. Я удрученно подумал о скудном содержимом моей дорожной сумки и чуть менее удрученно – о начальнике. Возможно, здесь мне удастся урвать каплю такого необходимого отдыха. Я из тех, кого надо отправлять в отпуск насильно, даже если мне и впрямь пора отдохнуть. Может, это оттого, что ни жены, ни детей у меня нет, и поэтому отпуск не самая сильная моя сторона, а когда я отдыхаю, меня не покидает ощущение впустую потраченного времени, отчего чувство одиночества обостряется.

– Это что? – показал я на гору с противоположной стороны.

Там, в окружении крутых уступов, было нечто вроде деревеньки, вот только ни единого признака жизни я в ней не заметил. Она смахивала на модель, вырубленную в сером камне, горстку маленьких, словно сложенных из кубиков «Лего» домиков, обнесенных стеной того же серого цвета.

– Это Палеохора, – сказал Гиоргос, – двенадцатый век, византийцы. Когда жители Калимнос видели вражеские корабли, они прятались за этими укреплениями. Некоторые скрывались там и от итальянцев в тысяча девятьсот двенадцатом, и во время Второй мировой – тогда союзники бомбили остров, потому что здесь располагалась немецкая военная база.

– Похоже, нельзя отсюда уехать, не побывав там, – сказал я, умолчав, однако, о том, что ни дома, ни укрепления на византийские похожи не были.

– Ну-у... – протянул Гиоргос, – пожалуй, что нет. Издалека выглядит лучше. В последний раз это все приводили в порядок рыцари ордена госпитальеров в шестнадцатом веке. Там все заросло, замусорено и пасутся козы, а в туалеты превратились даже часовни. Подниматься туда надо по каменным ступенькам, но недавно сошел оползень, поэтому теперь идти еще тяжелее. Если вам очень хочется, я могу найти проводника – и в вашем распоряжении будет целый каменный городок.

Предложение заманчивое, но я покачал головой. Меня вечно привлекает нечто, мне чуждое, недоступное. Ложь. Женщины. Логические задачи. Человеческое поведение. Убийства. Все, чего я не понимаю. Умственные способности у меня весьма ограниченные, зато любопытство не знает пределов. Досадное сочетание.

Потия оказалась оживленным лабиринтом низеньких домов, узких улочек с односторонним движением и переулков. Хотя сейчас, когда близился ноябрь, туристический сезон давно уже закончился, народа на улицах было немало.

Мы припарковались возле двухэтажного дома в порту, где бок о бок стояли пришвартованные рыбацкие лодки и не слишком претенциозные яхты. У причала покачивались на воде

небольшой автомобильный паромчик и скоростной пассажирский катер с сиденьями для пассажиров как на самой крыше, так и под ней. На причале несколько человек – похоже, иностранных туристов – оживленно обсуждали что-то с мужчиной в моряцкой форме. У некоторых туристов из рюкзаков торчали скрученные веревки. Такие же я видел в самолете у моих попутчиков. Альпинисты. Калимнос, прежде популярный среди любителей пляжного отдыха, превратился за последние пятнадцать лет в излюбленное местечко для скалолазов со всей Европы, вот только я к этому времени уже убрал свое альпинистское снаряжение подальше в шкаф. Мужчина в моряцкой форме развел руками, будто говоря, что здесь он не в силах ничего поделать, и показал на море. Кое-где на воде белели барашки, но волны, на мой взгляд, были невысокими и негрозными.

– Как я уже сказал, опасность отсюда не видать, – произнес Гиоргос, очевидно правильно истолковав мой взгляд.

– Так часто бывает, – вздохнул я, стараясь смириться с тем фактом, что на ближайшее время я буду пленником на этом крошечном островке, который сейчас по какой-то неведомой причине казался еще меньше, чем с воздуха.

Костопулос зашел в полицейский участок и, пройдя мимо стойки, зашагал первым, а я шел следом и здоровался направо и налево. В участке было тесно, и все вокруг казалось старомодным, не только мебель, но и похожие на ящики мониторы, кофейный автомат и копировальный аппарат-переросток.

– Гиоргос! – окликнула моего спутника какая-то женщина из-за перегородки. – Звонил журналист из «Катимерини». Спрашивал, правда ли, что мы арестовали брата пропавшего. Я сказала, что попрошу тебя им перезвонить.

– Позвони им сама, Кристина. Скажи, что никаких арестов по этому делу не проводилось и что на настоящий момент комментировать его мы не можем.

Разумеется, Гиоргосу хотелось работать спокойно, без вмешательства истеричных журналистов и других отвлекающих элементов. А может, он просто решил показать мне, столичной птице, что здесь, в провинции, тоже попадаются профессионалы. Ради нашей с ним работы я не стал его разубеждать и рассказывать, что, по моему опыту, буквоедство не лучшая стратегия в отношениях с журналистами. Да, Франц Шмид явился в полицию добровольно, поэтому формально ни арестованным, ни даже задержанным его не назовешь. Но когда – именно когда, а не если – выяснится, что Франца продержали тут целый день, да еще и стараясь утаить это от общественности, у журналистов появится благодатная почва для домыслов, которыми они и кормятся. Здесь бы лучше подружелюбнее. Сказать, например, что полицейские, конечно же, все еще опрашивают всех, кто может пролить свет на случившееся, и поэтому решили побеседовать и с братом пропавшего.

– Кофе выпьете? И перекусите? – предложил Гиоргос.

– Спасибо, но лучше давайте сразу за дело.

Гиоргос кивнул и, остановившись перед дверью, прошептал:

– Франц Шмид здесь.

– Ясно. – Я заговорил тише, но на шепот не перешел. – Про адвоката вы ему говорили?

Гиоргос покачал головой.

– Мы спросили, не хочет ли он позвонить в посольство или немецкому консулу на Косе, но на это он спросил: а что они могут сделать, чтобы найти моего брата?

– Значит, вы поделились с ним подозрениями?

– Я спросил о драке, но сам ничего не сказал. Впрочем, он и сам догадался, что мы не зря его попросили подождать вашего приезда.

– А про меня вы ему что сказали?

– Что вы – специалист из Афин.

– Специалист в чем? В поиске пропавших? Или в поиске убийц?

– Этого я не сказал, а он не спросил.

Я кивнул, и Гиоргос постоял еще пару секунд, пока до него не дошло, что я хочу зайти в кабинет один.

Помещение, в котором я оказался, было метра три на три. Единственным источником света были два узеньких окошка под потолком. Человек сидел за маленьким квадратным столом, на котором стояли кувшин воды и стакан. Стол был высоким, но и человек тоже. Он сидел, положив руки на синюю крашеную столешницу и согнув локти под прямым углом. Интересно, какой у него рост? Метр девяносто? Худой, с чересчур резкими для его двадцати восьми лет чертами лица, он сразу же показался мне натурой чувствительной. Или, возможно, это оттого, что он выглядел спокойным и довольным тем, что ему дали возможность просто посидеть в тишине, когда мыслям и чувствам ничто не мешает и в голову ничего лишнего не лезет. На этой самой голове у него была шапка с горизонтальными полосками растаманских расцветок и нарисованным с краю едва заметным черепом. Из-под шапки торчали темные кудри, какие в свое время имелись и у меня. Глаза сидели так глубоко, что заглянуть в них у меня не получалось. И тут что-то в его облике показалось мне смутно знакомым. Секунда – и мозг докопался до нужного воспоминания. Обложка диска, который я видел у Моник в Оксфорде. Таунс Ван Зандт. На ней он сидит почти в такой же позе и тоже с бесстрастным выражением лица, однако при этом производит впечатление чувствительного и беззащитного.

– Калимера, – поздоровался я по-гречески. – Добрый день.

– Калимера, – ответил он.

– Неплохо, господин... – Я посмотрел на папку, которую достал из сумки и положил на стол. – Господин Франц Шмид. Значит, вы говорите по-гречески? – Это я спросил на британском английском, и ответ его меня не удивил.

– К сожалению, нет.

Этим вопросом я, надеюсь, положил начало нашим взаимоотношениям. Судя по этому вопросу, я – чистый лист, ничего о нем не знаю, не имею никаких оснований относиться к нему предвзято, я – новый собеседник, которому можно, если захочется, рассказать новую версию своей истории.

– Меня зовут Никос Балли, я старший инспектор из афинского отдела по расследованию убийств. Я постараюсь развеять подозрения в том, что ваш брат стал жертвой преступления.

– А сейчас такие подозрения есть? – Он задал этот вопрос без напора и без эмоций, как практичный человек, желающий узнать факты. Или желающий таковым казаться.

– Какие подозрения есть у местных полицейских, я не в курсе и говорить могу только за себя. На данный момент у меня никаких соображений не имеется. Знаю лишь, что убийства – дело довольно редкое. Однако убийства наносят непоправимый ущерб греческому туризму, поэтому, если подобное случается, мы обязаны провести тщательное расследование, чтобы показать другим странам, насколько серьезно мы относимся к таким происшествиям. Это как с авиакатастрофами: необходимо найти причину и разгадать загадку, потому что иначе из-за одной нерасследованной трагедии обанкротится целая авиакомпания. Я рассказываю это вам, чтобы объяснить, почему я буду спрашивать вас о мелочах, на первый взгляд ненужных и не имеющих отношения к делу, особенно для человека, чей брат пропал. И у вас может сложиться впечатление, будто я подозреваю вас или еще кого-то в убийстве. Однако знайте: во время следствия я ставлю перед собой задачу проверить гипотезу об убийстве, но при этом сочту свою работу успешно выполненной, если мне удастся опровергнуть эту гипотезу. И независимо от исхода мы, возможно, продвинем поиски вашего брата. Договорились?

Франц Шмид криво улыбнулся, но до глаз улыбка не добралась.

– Вы говорите прямо как мой дедушка.

– Простите?

– Научный метод. Программирование объекта. Он был среди немецких ученых, сбежавших от Гитлера и помогавших США с разработкой ядерной бомбы. Мы... – Он осекся и провел рукой по лицу. – Простите, старший инспектор, я впустую трачу ваше время. Приступайте.

Франц Шмид посмотрел мне в глаза. Вид у него был усталый, но взгляд пронзительный. Не знаю, раскусил ли он меня, но этот взгляд, насколько я мог судить, свидетельствовал о том, что человек передо мной неглупый. Упомянув о «программировании объекта», он, несомненно, намекал на то, что я обосновал его мотивацию мне помогать: его сговорчивость может помочь в поисках его же брата. Стандартная манипуляция, вполне ожидаемая. Однако я также подозревал, что Франц Шмид раскусил и приемчик менее очевидный и нацеленный на то, чтобы допрашиваемый сбросил панцирь. Зачем мне заранее почти извиняться за чрезмерную напористость в допросе, зачем обвинять греческую систему в цинизме? А просто-напросто для того, чтобы самому выглядеть добрым полицейским. Таким, которому Франц Шмид вполне может довериться.

– Давайте начнем с того утра, когда ваш брат исчез.

* * *

Слушая рассказ Франца Шмида, я наблюдал за его поведением. Рассказывал он терпеливо, не пытался склониться над столом, говорил негромко и не чересчур быстро, как бывает с теми, кто уверен, будто их объяснение позволит решить задачку, которую им хочется решить, или доказать их невиновность. Но и в противоположную крайность он не кинулся – не мямлил и замолкал опасливо, будто крадясь по минному полю. Нет, речь текла спокойно и ровно. Возможно, потому, что он успел потренироваться, давая показания другим полицейским. Впрочем, мне это ни о чем не говорило. Нередко речь виновных складнее и убедительнее, чем у невиновных. Может, причина в том, что виновный заранее готовится и продумывает рассказ, а невиновный выдает неотредактированную версию, излагает так, как в голову придет. Поэтому, хоть я и наблюдал за Шмидом, язык его тела играл для меня второстепенную роль. Мой конек, мой излюбленный предмет – это сам рассказ. Но даже несмотря на то, что я в основном вслушивался в слова, мозг делал выводы, основываясь и на других наблюдениях. Например, что Франц Шмид пускай и не носит бороды, но смахивает на хипстера, из тех, что надевают дома шапку и толстую фланелевую рубашу. На крючке позади него висела куртка, судя по размеру, его. Рукава фланелевой рубашки были закатаны, обнажая руки – в отличие от тела, накачанные. Разговаривая, он время от времени разглядывал кончики пальцев и осторожно сжимал странно толстые фаланги. На левом запястье я разглядел часы «Tissot T-touch». Насколько я знал, в них есть высотомер и барометр. Иначе говоря, Франц Шмид был альпинистом.

Из материалов дела следовало, что Франц и Джулиан – граждане США, проживают в Сан-Франциско, не женаты, что Франц работает программистом в компании, специализирующейся на информационных технологиях, а Джулиан занимается маркетингом в известной фирме, которая производит альпинистское снаряжение. Слушая Франца Шмида, я размышлял о том, как американский английский захватил мир. И как моя четырнадцатилетняя племянница, болтая с иностранными одноклассниками из международной школы в Афинах, говорит, словно актриса из фильма про американских тинейджеров.

По словам Франца Шмида, проснулся он в шесть утра в комнате, которую они с братом снимали в доме неподалеку от пляжа в Массури – деревеньке, расположенной в пятнадцати минутах езды от Потии. Джулиан к этому времени уже встал и, собираясь уходить, случайно разбудил Франца. Джулиан, как обычно, хотел вплавь добраться до Телендоса, соседнего острова, от которого их с Массури отделяет пролив шириной восемьсот метров. Он плавал туда каждое утро, а на то, почему он проделывал это так рано, имелось несколько причин. Во-первых, так братья успевали ползать по скалам до двенадцати, когда солнце начинало палить осо-

бенно нещадно. Во-вторых, потому, что Джулиан предпочитал плавать обнаженным, а светает здесь только в половине седьмого. И в-третьих, Джулиан полагал, что самые опасные течения в заливе слабее до восхода солнца, потому что потом ветер усиливается. Как правило, Джулиан возвращался к семи, то есть к завтраку, но в этот день так и не вернулся.

Франц спустился по ступенькам к полуразрушенному каменному причалу в крошечной бухточке прямо возле дома. Большое, принадлежащее брату полотенце лежало на причале, придавленное камнем, чтобы не сдуло ветром. Франц пощупал полотенце. Сухое. Он посмотрел на залив и позвал рыбаков на проходящей по заливу лодке, но они, похоже, его не услышали. Тогда он бегом вернулся в дом и попросил хозяина вызвать полицию из Потии.

Первой прибыла служба спасения в горах, группа мужчин в оранжевых рубашках: они – отчасти с профессиональной серьезностью, а отчасти с дружеской иронией – спустили на воду две лодки и начали поиски. После прибыли водолазы. И наконец, полиция. Полицейские попросили Франца проверить, не исчезла ли одежда Джулиана, и таким образом удостовериться, что тот не ушел незамеченным, пока Франц завтракал на первом этаже.

Прочесав берег со стороны Калимнос, Франц с друзьями-альпинистами взяли напрокат лодку и переправились на Телендос. Полицейские вели поиски с лодки в районе пляжа, там, где волны разбиваются об острые утесы, а Франц и его приятели обходили редкие домики у подножия горы и расспрашивали, не видел ли кто обнаженного купальщика.

Вернулись они с пустыми руками, и оставшиеся часы Франц обзванивал родных и друзей и рассказывал о случившемся. Ему также звонили журналисты, некоторые из них – немецкие, и он давал короткие комментарии, что он надеется на лучшее и так далее. В ту ночь он едва сомкнул глаза, а на рассвете ему позвонили из полиции и пригласили явиться в участок и помочь в поисках. Он, разумеется, послушался, и было это – Франц Шмид взглянул на часы – восемь с половиной часов назад.

– Драка, – сказал я, – расскажите о том, как вы накануне вечером подрались.

Франц покачал головой:

– Да просто дурацкая ссора. Мы пошли в бар на Хемисфере – играли там в бильярд. Все немного перебрали. Джулиан слегка нахамил мне, я тоже не сдержался, слово за слово – я взял и швырнул в него бильярдный шар и попал прямо в голову. Джулиан повалился на пол, а когда поднялся, его тошнило и вырвало. Я решил, что у него сотрясение мозга, поэтому усадил его в машину и отвез в больницу в Потии.

– Вы часто дрались?

– В детстве да. А сейчас нет. – Он потер щетину на подбородке. – Но выпивку мы с ним иногда переносим плохо.

– Ясно. Но вы отвезли его в больницу – очень братский жест.

Франц фыркнул:

– Эгоизм чистой воды. Я хотел, чтобы его обследовали, потому что на следующий день мы готовились к долгому подъему, и я хотел убедиться, что с ним все в порядке.

– Значит, вы поехали в больницу.

– Да. Хотя нет.

– Нет?

– Мы только выехали из Массури, как Джулиан уперся и сказал, что ему уже лучше и что надо возвращаться. Я сказал, что провериться все равно не помешает, но он возразил, что в Потии можно нарваться на полицейских, а те, когда увидят, как я веду машину, сразу догадуются, что я выпил. Меня заметут, и тогда уж точно никакого подъема не состоится. Сказать мне на это было нечего, поэтому мы развернулись и поехали обратно.

– Кто-то видел, как вы вернулись?

Франц все еще тер подбородок.

– Скорее всего. Это было поздно ночью, но мы припарковались на главной улице, а там всегда народа полно.

– Хорошо. Вы не видели никого, кто мог бы помочь вам и подтвердить это?

Франц убрал руку от подбородка. Возможно, понял, что такое почесывание подбородка свидетельствует о том, что он переживает, а может, у него просто перестало чесаться.

– Кажется, никого из знакомых мы не видели. Вообще-то, я вот сейчас вспоминаю – там было довольно немногочисленно. Бар в Хемисфере еще работал, а вот рестораны закрылись. Сейчас, осенью, в Массури в основном только альпинисты, а они ложатся рано.

– То есть вас никто не видел.

Франц выпрямился.

– Уверен, старший инспектор, вы знаете, что делаете, но не могли бы вы пояснить, как это все связано с исчезновением моего брата? – Голос звучал по-прежнему бесстрастно, но в выражении лица впервые появилось нечто, свидетельствующее о том, что он переживает.

– Конечно мог бы, – ответил я, – но уверен, что вы и сами все понимаете. – Я кивнул на лежащую на столе передо мной папку. – Тут написано, что хозяин дома, где вы живете, утверждает, будто ночью его разбудили громкие голоса, доносящиеся из вашей комнаты, и стук падающих стульев. Вы продолжали ссориться?

Лицо Франца Шмида едва заметно изменилось. Может, это потому, что я напомнил ему о последних, полных обиды словах, брошенных братьями друг другу?

– Как я уже сказал, перед этим мы перебрали, – тихо проговорил он, – но заснули мы друзьями.

– Из-за чего вы поссорились?

– Из-за чепухи.

– Расскажите.

Он, словно за спасательный круг, ухватился за стакан и принялся заглатывать воду. Отсрочка, позволяющая ему решить, что говорить и о чем умолчать. Скрестив руки на груди, я ждал. Ход его мыслей был очевиден, но Шмид, судя по всему, достаточно проницателен, чтобы понять, что если я не узнаю ничего от него, то узнаю от свидетелей ссоры. Вот только кое о чем он точно не догадывался. Гиоргос Костопулос уже поговорил со свидетелями. Именно их показания и заставили Гиоргоса позвонить в отдел по расследованию убийств в Афинах. И именно поэтому дело попало ко мне. К Ревнивцу.

– A dame⁴, – сказал по-английски Франц.

Интересно, какой смысл он вкладывает – если вообще вкладывает – в это слово? На британском английском слово это носит уважительный оттенок и означает даму, мадам или хозяйку дома. А вот на американском английском dame – слово скорее сленговое и означает что-то вроде телочки или дамочки, не обидное, но и не особо уважительное. Та, кого легко подцепить, или даже та, с кем лучше не связываться. Но на первом родном языке Франца «дама» – слово нейтральное, именно таким оно выглядит для меня в названии романа Генриха Бёлля «Групповой портрет с дамой».

– И чья это дама? – Я решил сразу же добраться до сути.

Снова эта слабая улыбка, которая тотчас же исчезла.

– В этом и была причина ссоры.

– Это я понял, Франц. Расскажите подробнее?

Франц поднял на меня глаза. Он медлил. Я уже назвал его по имени, а это очевидный и тем не менее удивительно эффективный способ вызвать у допрашиваемого доверие. А сейчас я смотрел на него тем взглядом, который заставляет подозреваемых в убийстве раскрыть свое сердце Ревнивцу, Фтону.

⁴ Женщина (англ.).

Греция – страна с малым числом убийств. Оно настолько мало, что многие задаются вопросом, как такое вообще возможно в стране, переживающей кризис, с высоким уровнем безработицы и коррупции и постоянными общественными беспорядками. Остроумно было бы ответить, что греки вместо убийства того, кого они ненавидят, оставляют его и дальше жить в Греции. А вот вам другой ответ: организованной преступности у нас нет, потому что ничего организовать мы не способны. Но кровь у нас горячая. И мы склонны к преступлениям. Я – тот, кому звонят, когда подозревают, что на убийство преступника могла толкнуть ревность. Говорят, я способен унюхать ревность. Это, разумеется, не так. У ревности нет никакого особого запаха, цвета или голоса. Однако у нее есть история. И слушая эту историю – то, что говорится, и то, о чем умалчивается, – я понимаю, сидит ли передо мной отчаявшееся, загнанное в угол существо. Я слушаю и понимаю. Понимаю, потому что вслушиваюсь в самого себя, Никоса Балли. Понимаю, потому что я и сам такое существо, отчаявшееся и загнанное в угол.

Вот и Франц пустился рассказывать. Он рассказывал, потому что это – эту частичку правды – рассказывать приятно. Выпустить ее наружу, исповедаться в несправедливом унижении и естественной, последовавшей за ним ненависти. Разумеется, нет ничего извращенного в желании уничтожить того, кто препятствует осуществлению нашей биологической задачи – создать пару для того, чтобы передать свои уникальные гены потомкам. Неестественно обратное – когда мы подавляем в себе это желание, повинуюсь морали, которую вбивают нам в голову, внушая, будто она дана природой или Богом, но которая на самом-то деле представляет собой практические правила, навязанные обществом и подстраивающиеся под потребности определенного времени.

В один из дней, свободных от скалолазания, Франц взял напрокат мопед и отправился на северный берег Калимноса, где в деревушке Эмпорио познакомился с Хеленой – девушка работала официанткой в ресторане, принадлежащем ее отцу. Франц влюбился по уши и, преодолев свойственную ему стеснительность, попросил у нее номер телефона. Спустя шесть дней и три свидания Франц с Хеленой встретились в руинах монастыря в Палеохоре. Дома девушке строго запрещали заигрывать с посетителями вообще и особенно с иностранными туристами, поэтому Хелена настояла на том, чтобы на их свиданиях никого больше не было и чтобы проходили они втайне, потому что на северном берегу Калимноса ее отца знает каждый. Однако, несмотря на всю осторожность, Франц посвятил в секрет брата – случилось это сразу же после знакомства, причем он рассказывал Джулиану обо всем: о произнесенных ими фразах, о взглядах, о прикосновениях и о первом поцелуе. Франц показал Джулиану фотографии Хелены и видео, где она, сидя на крепостной стене, любит закатом.

У них так было заведено с детства, они делились всем, каждая мелочь, каждое впечатление принадлежало им обоим. Например, Джулиан – по словам Франца, из них двоих брат отличался большей открытостью – несколькими днями ранее показал Францу видео, которое снял тайком, занимаясь любовью с какой-то девушкой в ее квартире в Потии.

– Джулиан в шутку предложил, чтобы я навестил ее, выдал себя за него и проверил, заметит ли она, что любовник уже другой. Идея, конечно, занятная, но...

– Но вы отказались.

– Я уже познакомился с Хеленой и так влюбился, что ни о ком другом не думал и не говорил. Может, оно и неудивительно, что Джулиан тоже от меня заразился этой одержимостью. И тоже влюбился в Хелену.

– Даже ни разу не увидев ее?

Франц медленно кивнул.

– Я, по крайней мере, думал, что он ее не видел. Я говорил Хелене, что у меня есть брат, но что мы близнецы и внешне неотличимы, не сказал. О таком мы обычно не рассказываем.

– Почему?

Франц пожал плечами:

– Некоторым кажется диким, что тебя почему-то выпустили в двух экземплярах. Поэтому мы рассказываем друг о друге не сразу.

– Ясно. Продолжайте.

– Три дня назад телефон у меня куда-то подевался. Я искал как сумасшедший, потому что номер Хелены был сохранен только там, а мы с ней все время переписывались – вдруг она подумала, что я ее бросил? Я уж было решил поехать в Эмпорио, но на следующее утро, когда Джулиан пошел купаться, в кармане куртки у него что-то зажужжало, я полез посмотреть и обнаружил свой телефон. В нем была эсэмэска от Хелены – мол, спасибо за чудесный вечер, надеюсь на скорую встречу. И тогда я обо всем догадался.

Франц явно заметил мое удивление – и, скорее всего, понял, что удивление это притворное.

– Джулиан взял мой мобильник, – сказал он, а когда я якобы опять не понял, то почти нетерпеливо пояснил: – Нашел в списке контактов ее номер и позвонил ей. Хелена подумала, что это я. Они договорились встретиться, и даже при встрече она не поняла, что перед ней не я, а Джулиан.

– Понятно, – сказал я.

– Когда Джулиан вернулся с купания, я напустился на него, и он во всем признался. Я был вне себя, выскочил из дома и целый день провел с другими альпинистами. С Джулианом мы увиделись лишь вечером, в баре. Там он поклялся, что успел позвонить Хелене и повиниться перед ней. Она вроде как даже простила его за то, что он обманул ее. И еще сказал, что они друг в дружку влюбились. Я, разумеется, опять вышел из себя, и... ну да, мы опять поругались.

Я кивнул. Откровения Франца можно было толковать по-разному. Возможно, ревность так распирала его изнутри, что он был не в силах дальше скрывать унижительную правду, хотя и знал, что сейчас, когда его брат бесследно исчез, все это выставит его не в самом лучшем свете. В этом случае – если он убил своего брата – осознание собственной вины и неспособность держать себя в руках вскоре принесут те же плоды: он сознается.

Но имелось и более заковыристое объяснение: он подозревает, что я именно так и истолковал его искренность, что я полагаю, будто он не в силах выдержать душевных страданий, а значит, если он после таких признаний не сознается в убийстве, я склонен буду поверить в его невиновность.

И наконец, объяснение, лежащее на поверхности: он невиновен и поэтому не думает о последствиях собственной искренности.

Гитарный рифф. Я узнал его сразу же. «Black Dog», «Лед Зеппелин».

Не вставая со стула, Франц Шмид повернулся и вытащил из висящей за его спиной куртки телефон. Он посмотрел на экран, а рифф превратился в вариации после третьего куплета, где ударные Бонэма не попадают в такт гитаре Джимми Пейджа, но западают прямо в душу. Тревор, мой сосед по общежитию в Оксфорде, писал курсовую по математике, где анализировал замысловатые ритмы в «Black Dog» и рассуждал о парадоксе Джона Бонэма, ударника «Лед Зеппелин», прославившегося скорее не благодаря своему уму, а из-за привычки громить гостиничные номера. Тревор сравнивал его с деревенским и с виду туповатым шахматным гением из «Шахматной новеллы» Стефана Цвейга. Что, если Франц Шмид – тоже такой ударник, такой шахматный гений? Франц Шмид коснулся пальцем экрана, гитара умолкла, и он поднес телефон к уху.

– Да? – сказал он, помолчал, слушая говорящего. – Секунду. – И протянул мне телефон.

– Старший инспектор Балли, – представился я.

– Это Арнольд Шмид, дядя Франца и Джулиана, – проговорил голос в трубке. Он говорил по-английски, но с грассирующим немецким акцентом, который так любят высмеивать. – Я адвокат и хотел бы знать, на каком основании вы задержали Франца.

– Мы его не задержали, господин Шмид. Он сам выразил желание помочь нам в поисках брата, и мы приняли его предложение, пока он сам не возражает.

– Дайте трубку Францу.

Молодой человек опять поднес телефон к уху, послушал немного, после чего коснулся экрана и, положив телефон на стол, накрыл трубку рукой. Я посмотрел на телефон, а Франц сказал, что устал и хочет вернуться домой, но, если будут новости, он просит нас ему позвонить.

«Новости – значит вопросы? – подумал я. – Или труп?»

– Телефон, – сказал я, – вы не против, если мы его осмотрим?

– Я отдал его полицейскому, с которым беседовал до вас. И ПИН-код сообщил.

– Не телефон вашего брата, а ваш.

– Мой? – Жилистая рука сжала черный телефон. – Хм... а это надолго?

– Нет, не само устройство, – сказал я, – я прекрасно понимаю, что в такой ситуации телефон вам нужен. Вы предоставите нам доступ к разговорам и сообщениям за последние десять дней? Для этого вам потребуется только расписаться на заявлении, а мы запросим все данные у вашего оператора. – Я улыбнулся, словно извиняясь. – Так я смогу вас вычеркнуть из списка тех, за кем нужно вести наблюдение.

Франц Шмид посмотрел на меня. И в падающем из окон свете я увидел, как зрачки у него расширяются. Зрачки расширяются, когда человеку нужно больше света, и порой такое происходит от страха или от вожделения. В нашем же случае, думаю, причиной стала чрезмерная сосредоточенность. Так бывает, когда твой противник по шахматам делает неожиданный ход.

Я словно читал мысли, замелькавшие у него в голове.

Он подготовился к тому, что телефон мы захотим проверить, и поэтому стер все сообщения и список звонков, которые хотел скрыть от нас. Но возможно, в базе данных оператора все по-прежнему хранится – так он думал. Можно, конечно, отказать. Можно позвонить дяде, и тот подтвердит, что закон повсюду одинаковый – что в Греции, что в США, что в Германии, а значит, он вовсе не обязан помогать полиции, пока они не обоснуют свои требования юридически. Вот только если он начнет чинить нам препоны, не подозрительно ли это будет выглядеть со стороны? Тогда я едва ли вычеркну его из списка подозреваемых. Так он думал. В его взгляде я заметил нечто смахивающее на панику.

– Разумеется, – проговорил он, – где нужно расписаться?

Зрачки уменьшились. Он прокрутил в голове сообщения и ничего особо серьезного не обнаружил. Карт он мне не раскрыл, но по крайней мере на миг уронил свою непроницаемую маску.

Мы вышли из комнаты вместе и остановились посреди участка, высматривая Гиоргоса, когда из-за перегородки выскочил пес, на вид добродушный голден ретривер. Радостно гавкнув, он бросился к Францу.

– О, приветик! – вырвалось у Франца.

Присев на корточки, он принялся чесать пса за ухом привычными движениями, которые, как я заметил, отличают тех, кто искренне любит животных. И к кому животные, похоже, инстинктивно тянутся – поэтому пес выбрал Франца, а не меня. Хвост у собаки ходил ходуном, а мордой она тыкалась Францу в лицо.

– Животные лучше людей, правда ведь? – Франц посмотрел на меня. Он сиял, его словно подменили.

– Один! – послышался из-за перегородки строгий оклик.

Голос был тот же, что сказал Гиоргосу о журналисте. В проходе появилась девушка. Она схватила собаку за ошейник.

– Простите, – сказала она по-гречески, – вообще-то, он знает, что так себя вести нельзя.

Ей было около тридцати, маленькая, крепко сбитая и спортивная, в форме туристической полиции. Девушка подняла взгляд. Вокруг глаз краснели круги, а когда она увидела нас, щеки тоже порозовели. Она оттащила собаку за перегородку – пес поскуливал и царапал когтями пол. Когда он скрылся из виду, я услышал фыркание.

– Мне нужна помощь, – сказал я, повернувшись к перегородке. – Надо распечатать согласие на проверку телефона. Оно есть на сайте...

– Там в конце коридора стоит принтер, – перебила она меня, – просто подойдите к нему, господин Балли.

* * *

– Ну как? – спросил Гиоргос Костопулос, когда я заглянул к нему за перегородку.

– Подозреваемый возвращается на мопеде в Массури, – протянул я ему лист бумаги с подписью Франца Шмида, – и, боюсь, он догадывается, что мы его подозреваем, поэтому может скрыться.

– Ничего страшного, мы же на острове, а ветер, по прогнозу, только усилится. То есть вы полагаете...

– Да, думаю, это он убил брата. Когда получите данные от оператора, перешлите их мне, хорошо?

– С телефона Джулиана Шмида тоже?

– К сожалению, пока факт его смерти не доказан, нам нужно его согласие. Но его телефон у вас?

– Разумеется. – Гиоргос открыл ящик.

Взяв телефон, я подсел к столу и ввел ПИН-код, записанный на бумажке, которая была приклеена к обратной стороне мобильного. Принялся просматривать список звонков и сообщения.

Ничего представляющего интерес для дела я не обнаружил. Когда я прочел сообщение о том, что какую-то вершину «взяли» – на сленге альпинистов это означает «покорили», – у меня вспотели ладони. Еще там были сообщения со всяческими поздравлениями и благодарностями. Договоренности о встречах, о том, в какой ресторан идти и во сколько. Но на первый взгляд ни ссор, ни романтики.

Вдруг я вздрогнул – телефон завибрировал и одновременно запел мужским страдальческим голосом, с фальцетным надрывом, характерным для поп-музыки двухтысячных. Я растерялся. Если я отвечу, то, вероятнее всего, придется объяснять другу, коллеге или родственнику Джулиана, что тот пропал и не исключено, что утонул во время отпуска в Греции, куда он отправился лазить по горам. Я вздохнул и нажал на «Принять вызов».

– Джулиан? – прошептал женский голос еще до того, как я успел хоть что-то сказать.

– Полиция, – ответил я по-английски и умолк, чтобы моя собеседница осознала услышанное и поняла, что случилось нечто непредвиденное.

– Простите, – грустно проговорила женщина, – я надеялась, что это Джулиан, но... Есть какие-то новости?

– Представьтесь, пожалуйста.

– Виктория Хэссел. Я тоже альпинистка. Мне не хотелось Франца тревожить, и поэтому... Ну да. Спасибо.

Она положила трубку, а я посмотрел на номер.

– Этот рингтон, – сказал я, – это что вообще?

– Понятия не имею, – сказал Гиоргос.

– Эд Ширан, – послышался из-за другой перегородки голос владелицы собаки, – «Harrier».

– Спасибо! – поблагодарил я.

– Мы еще что-то можем сделать? – спросил Гиоргос.

Я скрестил на груди руки и задумался.

– Нет. Хотя да. Пока он тут сидел,пил воду. Можете снять отпечатки пальцев со стакана? И сделать анализ ДНК, если слюна осталась.

Гиоргос кашлянул. Я знал, что он скажет. Что в этом случае нам нужно личное согласие или судебное постановление.

– Я подозреваю, что этот стакан находился на месте преступления, – сказал я.

– Простите?

– В отчете можно связать анализ ДНК не с определенным человеком, а только со стаканом, датой и местом. В суде такое доказательство не примут, а нам с вами оно, может, и пригодится.

Одна бровь у Гиоргоса поползла вверх.

– Мы в Афинах так всегда поступаем, – соврал я. Истина же заключалась в том, что это я в Афинах иногда так поступаю.

– Кристина, – окликнул он.

– Что? – Ножки стула царапнули по полу, и над перегородкой показалась голова девушки.

– Отправишь стакан из допросной на экспертизу?

– На экспертизу? А у нас есть согласие от...

– Это место преступления, – перебил ее Гиоргос.

– Место преступления?

– Ага, – Гиоргос буравил меня взглядом, – мы теперь тут так будем поступать.

* * *

В семь вечера я лежал в постели в номере отеля в Массури. В Потии свободных номеров в гостиницах не осталось, наверное, из-за погоды. Но я не расстроился: здесь я даже ближе к центру событий. Надо мной, на склоне холма с противоположной стороны дороги, высились желто-белые известняковые скалы, в лунном свете чарующе прекрасные и манящие. Летом на острове произошел несчастный случай со смертельным исходом – о нем писали в газетах, и я, пусть и не хотел, все равно прочел.

Гора по другую сторону от отеля уходила прямо в море.

Завершился второй день поисков. В проливе между Калимносом и Телендосом был штиль, но, как мне сказали, судя по прогнозу погоды на завтра, на еще один день поисков можно не рассчитывать. К тому же, если предполагается, что пропавший – будь то американец или нет – утонул, ищут его не дольше двух дней. Ветер раскачивал шпингалеты на окнах, и совсем неподалеку волны с шумом разбивались о камни.

Свою задачу – поставить диагноз, определить, могла ли ревность привести к убийству, – я выполнил. Следующий шаг, тактическое и техническое расследование, не моя сильная сторона, этим займутся мои коллеги из Афин.

Погода, помешавшая приехать моим сменщикам, обнажила, да, разоблачила мою беспомощность, когда речь идет о расследовании убийства. У меня просто-напросто не хватает воображения, чтобы представить, каким образом убийца умертвляет свою жертву, а после скрывает следы. Мой начальник говорит, что я беру чувствительностью, но теряю в практической фантазии. Именно поэтому он называет меня специалистом по ревности, и именно поэтому меня отправляют прощупать почву, однако потом, когда я дам зеленый или красный свет, отзывают обратно.

В делах об убийстве существует так называемое правило восьмидесяти процентов. В восьмидесяти процентах случаев виновный находится в близких отношениях с жертвой, в вось-

мидесяти процентах от общего количества таких убийств виновный – супруг или возлюбленный жертвы, а мотив восьмидесяти процентов этих случаев – ревность. Когда нам в отдел по расследованию убийств звонят и сообщают об убийстве, мы знаем, что пятьдесят процентов шансов здесь за то, что мотивом была ревность. И благодаря этому я, несмотря на все мои недостатки, выполняю важную функцию.

Я могу с точностью определить тот момент, когда я начал чувствовать чужую ревность. Это случилось, когда Моник влюбилась в другого. Я прошел через все круги ревности – от неверия и отчаяния до гнева, отвращения к самому себе – и наконец скатился в депрессию. Прежде я еще никогда не подвергался такой эмоциональной пытке, и, возможно, поэтому я внезапно обнаружил, что одновременно со всепоглощающей болью словно приобрел способность смотреть на себя извне. Я был пациентом, без наркоза переносящим операцию, но в то же время я играл роль студента-медика, которому впервые показывают, что происходит с человеком, когда у него из груди вырезают сердце. Удивительно, однако, ревность в своем предельном проявлении шла рука об руку с отстраненным наблюдением. Объяснить это я могу лишь тем, что, охваченный ревностью, я совершал поступки, делавшие меня чужим для себя самого – настолько чужим, что я отстранялся от себя, примеряя роль испуганного наблюдателя. Я достаточно прожил и неоднократно становился свидетелем чужих попыток саморазрушения, но никогда не думал, что и сам подсяду на эту отраву. Я ошибался. Удивительно, но любопытство и восхищение были почти такими же сильными, как боль, ненависть и отвращение к самому себе. Словно прокаженный, который наблюдает, как разлагается его собственное лицо, как распадается зараженная плоть и как выступает наружу сгнившее нутро, и при этом испытывает нелепый, радостный ужас. Свою проказу я пережил, получив, естественно, неизлечимые увечья, зато заработав иммунитет. Ревновать – по крайней мере, так же – я больше не способен. Означает ли это, что я и любить никого не могу? Не знаю. Возможно, не только ревность – причина тому, что я никогда в жизни не испытывал ни к кому тех чувств, что когда-то к Моник. С другой стороны, именно благодаря ей ревность стала моей профессией.

Я с детства отличался способностью переживать то, что мне рассказывают. Родные и друзья относились к этой моей особенности по-разному: некоторые считали ее необычной и трогательной, другие – жалкой и несвойственной мужчинам. Для меня же это был настоящий подарок. Я не следовал за Геком Финном в его приключениях – я был этим самым Геком. И Томом Сойером. А когда пошел в школу, где меня учили быть греком, я, конечно же, стал Одиссеем. Впрочем, мне вовсе не обязательно погружаться в великие произведения мировой литературы – достаточно простенькой, скверно рассказанной истории о неверности, причем даже не важно, настоящая она или вымышленная. Словно кто-то нажимает на кнопку – и я переношусь в эту историю, с самой первой фразы. И поэтому я также умею различать фальшь. Не оттого, что я гениально распознаю жесты, интонацию и наши защитные стратегии, которые включаются машинально. Нет, это сам рассказ. Даже в грубом, лживом и субъективном изложении я вижу особенности характера, возможную мотивацию и роль рассказчика в событиях. И это помогает мне понять, какие поводы пробуждают в моем собеседнике те или иные чувства. Потому что я сам через это прошел. Потому что наша ревность сокращает пропасть между тобой и мной. Мы ведем себя похожим образом, несмотря на классовые, религиозные и интеллектуальные различия, несмотря на разное воспитание и культуру, – подобно тому, как наркоманы тоже ведут себя одинаково. Мы все – живые мертвецы, бредущие по улице, движимые единственным желанием – заполнить гигантскую черную дыру у себя внутри.

И еще кое-что. Способность погружаться в чужие чувства вовсе не то же самое, что способность сопереживать. «That I understand doesn't mean I care»⁵, – говорит Гомер. Я про Гомера

⁵ Если я понимаю, это не значит, что мне не все равно (англ.).

Симпсона. Однако в моем случае эти две способности, к сожалению, объединяются. Я страдаю, сострадав ревнивцу. И поэтому свою работу я ненавижу.

Ветер дергал оконный шпингалет, стараясь сорвать его. Хотел показать мне свою силу.

Я уснул, и мне приснилось, будто я падаю с большой высоты. Я проснулся спустя полчаса оттого, что падающий наконец достиг земли.

Телефон пискнул, значит пришел мейл. В мейле содержались данные сообщений и звонков, удаленных из памяти телефона, принадлежащего Францу Шмиду. По этим данным, за ночь до исчезновения брата Франц восемь раз звонил Виктории Хэссел, но та не брала трубку. Я проверил номер и убедился, что это та же самая Виктория, с которой я разговаривал по телефону Джулиана. Однако чувство, какое бывает, когда падаешь с большой высоты, легкая дрожь и удар плоти о камень, которого никогда, никогда не забыть, появилось, лишь когда я прочел сообщение, отправленное Францем на греческий номер, принадлежащий Хелене Амбросиа.

«Я убил Джулиана».

* * *

Деревушка Эмпорио представляла собой горстку домов на северной оконечности Калим-носа. Шоссе здесь просто-напросто заканчивалось. Девушка, подошедшая к моему столику в ресторане, напоминала Моник. Было время, несколько лет, когда Моник мерещилась мне повсюду, во взглядах и внешности каждой женщины, в каждой прямой девичьей спине, я слышал ее в каждом слове, которое произносила какая-нибудь незнакомка. Но чуть погодя время принесло рассвет, убивший это привидение. А еще через несколько лет я просыпался и выходил на афинские улицы, зная, что больше ничего подобного не повторится. Пока снова не стемнеет.

Эта девушка тоже была красивой, но, разумеется, не такой же красивой. Впрочем, нет. Такой же. Худая, длинноногая, с естественной грацией движений. С мягким взглядом ореховых глаз. Вот только кожа была угреватой, и еще девушке недоставало подбородка. Неужели Моник тоже чего-то недоставало? Я уже забыл. Наверное, благопристойности.

– How can I be of service, sir?⁶

Эта чрезмерно вежливая фраза – я привык, что английские официанты произносят ее со слегка насмешливым пренебрежением, – из уст юной и чистой гречанки звучала трогательно и искренне. В это утро в семейном ресторанчике, маленьком и уютном, никого, кроме нас с ней, не было.

– Вы Хелена Амбросиа?

Услышав, что я говорю по-гречески, она покраснела и кивнула. Я представился и сказал, что пришел, потому что расследую исчезновение Джулиана Шмида, а когда добавил, что знаю о ее связи с Францем Шмидом, лицо у нее исказилось от ужаса. Она то и дело озиралась, проверяя, не вышел ли из кухни еще кто-нибудь и не подслушивают ли нас.

– Да-да, но как это связано с пропавшим? – быстрым шепотом проговорила она, сердитая и покрасневшая от стыда.

– Вы же с ними обоими встречались.

– Что-о? Нет! – забывшись, воскликнула она, но потом опять рассерженно зашептала: – Это кто сказал?

– Франц. В заброшенном городе вы встретились с Джулианом, братом-близнецом Франца, который выдал себя за него.

– Близнецом?

– Однояйцевым, – сказал я.

⁶ Чем могу вам помочь, сэр? (англ.)

На ее лице отразилось смятение.

– Но...

Я видел, как она прокручивает в голове события, после чего на место смятения пришло сперва недоверие, а затем ужас.

– Я... Я встречалась с двумя братьями? – пробормотала она.

– А вы об этом не знали?

– Откуда мне было знать? Если их и впрямь двое, они совершенно одинаковые. – Она прижала к вискам ладони, словно боясь, что голова лопнет.

– Значит, Джулиан солгал, когда сказал брату, что позвонил вам вечером на следующий день, все объяснил и вы его простили?

– Я ни с кем из них не разговаривала!

– А сообщение от Франца? «Я убил Джулиана». Его вы получили?

Она растерянно моргала.

– Я не поняла, к чему это вообще. Франц рассказывал, что у него есть брат, но не говорил, что его зовут Джулиан и что они близнецы. Когда я прочитала сообщение, то решила, что Джулиан – это название альпинистского маршрута или что он так прозвал какого-нибудь таракана у себя в комнате – что-нибудь типа того. И что потом он наверняка расскажет подробнее. А в тот момент мы только закончили работу, мне надо было срочно прибраться, поэтому я просто отправила в ответ смайлик.

– Я просмотрел вашу с Францем переписку. Он писал вам длинные сообщения, а вы отвечали довольно коротко. Единственное сообщение, которое вы написали первой, – то, что вы послали наутро после встречи с Джулианом. И прежнего равнодушия в нем нет, верно?

Она прикусила губу. И кивнула. В глазах у нее блеснули слезы.

– То есть хотя Джулиан и соврал, будто рассказал вам про то, что он не Франц, влюбились вы лишь после того, как встретились с Джулианом?

– Я... – Силы будто бы покинули ее, она скорее не сидела, а полулежала на стуле. – Когда я познакомилась с ним... С Францем... Мне он очень понравился. И наверное, его внимание мне льстило. Мы встречались в Палеохоре, людей там почти не бывает, по крайней мере знакомых с нашего острова. Все было совсем невинно, но в последний раз я разрешила ему поцеловать меня на прощание. Хотя я и не была в него влюблена, ну, то есть не по-настоящему. Поэтому когда он... хотя нет, не он, Джулиан, когда Джулиан написал мне снова и предложил встретиться, я отказалась. Я решила положить этому конец, пока все не зашло слишком далеко. Но он настаивал так... как никогда прежде. Как-то весело, словно подшучивая над собой. Поэтому я согласилась на последнюю встречу, только увидеться, и все. А когда мы встретились в Палеохоре, все изменилось. И мы с ним, и то, как он говорил, как обнимал меня. Он показался мне более расслабленным и веселым. Я и сама заразилась его настроением. Мы смеялись намного больше, чем прежде. Я решила, что это, наверное, потому, что мы уже довольно близко знакомы и перестали смущаться.

– Вы с Джулианом занимались сексом?

– Мы... – Она выпрямилась и покраснела. – Мне обязательно отвечать на этот вопрос?

– Хелена, вам вообще необязательно отвечать ни на какие вопросы, но чем больше я буду знать, тем легче мне раскрыть это дело.

– И найти Джулиана?

– Да.

Она прикрыла глаза, точно пытаясь сосредоточиться.

– Да. Занимались. И это было... чудесно. Когда я в тот вечер вернулась домой, то поняла, что совершила ошибку, что теперь-то я точно влюбилась и хочу его снова увидеть. А сейчас он...

Хелена закрыла лицо руками. Послышались всхлипы. Пальцы у нее были длинными и тонкими, почти как у Моник, – та любила растопырить их, говоря, что они похожи на паука.

Я задал Хелене еще несколько вопросов, и ответила она честно и прямо.

После того последнего свидания в крепости она не виделась ни с Францем, ни с тем, кто выдавал себя за него. Она подтвердила, что на следующее утро после свидания с Джулианом она отправила на номер Франца сообщение, написав, что надеется на скорую встречу, но ответа не дождалась. Лишь вечером Хелена получила от Франца короткое загадочное сообщение: «Я убил Джулиана», на которое ответила смайликом. Последнее сообщение отправила она, поэтому больше, разумеется, ничего не писала.

Я кивнул, слегка удивившись, что правила игры, существовавшие во времена моей молодости, по-прежнему действуют, и пришел к выводу, что, судя по ее манере отвечать и рассказывать, скрывать Хелене нечего. Или, точнее говоря, она ничего не скрывает. Она, подобно многим влюбленным, ничего не стыдилась, потому что влюбленным свойственно полагать, будто любовь превыше всего. Влюбленность – это и впрямь самый сладостный психоз, но в ее случае он превратился в самую ужасную пытку. Хелену лишь поманили любовью и тут же отняли ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.